

Мультикультурность эмигрантской публицистики Ильи Сургучева: языковой аспект

Научный руководитель – Лепилкина Ольга Ивановна

Шевченко Татьяна Сергеевна

Аспирант

Северо-Кавказский федеральный университет, Факультет филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Кафедра истории и теории журналистики, Ставрополь, Россия

E-mail: shevchenko31569@gmail.com

Известный драматург дореволюционной России, писатель, журналист, эмигрант первой волны Илья Сургучев (1881—1956) до конца своих дней пишет на русском и широко использует в публицистических текстах иноязычную лексику. Лингвистическим особенностям эмигрантской прессы 1940-х годов, как и идиостилю И. Сургучева, на данный момент, насколько нам известно, не посвящалось отдельных научных исследований.

Многослойная структура языковой личности Сургучева объясняется его проживанием в доэмигрантский период в многоязычном Ставрополье, классическим образованием филологической направленности (Ставропольская духовная семинария; востоковедческий факультет Санкт-Петербургского университета), проживанием и гастролями с хором в странах Европы в эмиграции. В его итоговом произведении - публицистическом цикле «Парижский дневник» [2] (1940-1945 гг., 72 статьи, опубликованных в парижских газетах) - в разном объеме и с разными художественными функциями используются элементы не менее 17 языков: церковнославянского, латинского, французского; итальянского, украинского, древнееврейского; греческого, немецкого, английского; испанского, польского, китайского, монгольского, арабского; сербского, чешского, грузинского (перечислены в порядке убывания количества примеров и их идейной и композиционной значимости).

Помимо полилингвизма, в публицистике И. Сургучева нашла отражение его панрелигиозность. Наряду с художественной литературой, которую он цитирует чрезвычайно часто (и не только на русском языке), им обильно цитируются Библия, молитвы, православные святоотеческие творения, церковные песнопения - как на русском, так и на церковнославянском языке. Но неортодоксальность его христианских взглядов ярко выражена. Выпускник духовной семинарии, он верит в астрологию, нумерологию, переводит со старофранцузского предсказания Нострадамуса и трактует в них «темные места», гадает по Евангелию, упоминает с пиететом «Тонилхуйн-Чимек» (катехизис ламаизма, на монгольском) и т.д.

Среди лексических средств, говорящих о мультикультурности публицистики Сургучева, отметим в первую очередь экзотизмы.

Экзотизмы называют реалии «чужой культуры» [1]. В «Парижском дневнике» в основном это транслиты с французского и итальянского. Среди них: 1) обозначения явлений общественной жизни: *бистро*, *белот* 'карточная игра', *шапито*, *канотье* (фр.); *палаццо*, *чентезими* 'разменная монета' (итал.) и др.; 2) обозначения лиц по социальному признаку: *бульвардье* 'гуляка, который вхож в богемные заведения вдоль парижских бульваров', *ажан* 'полицейский', *гарсон*, *радик* 'радикал' (фр.); *лаццарони* 'нищий босяк', *иллюстриссими синьори* 'уважаемые синьоры', *чичероне* 'проводник' (итал.); 3) обозначения продуктов питания и пр.: *сыр-грюйер*, *колэн* 'сорт рыбы', *гато* 'лепешка', *бок* 'рюмка пива' и др. (фр.); *кианти* 'сорт вина', *фьяска* 'пузатая бутылка' (итал.); *сигариллы* 'маленькие сигары' (исп.); *дюбек* 'сорт табака' (турецк.) и др.

Иноязычные этикетные формулы, часто в ироническом контексте: *Здоровеньки булы, панове!* (укр.); *Ах, сдача? Мерси* (фр.); *Экскюзи, Мадонна* (англ.); *помахал мне рукой и сказал: «Hello!»* (англ.).

Иноязычные историзмы: *шомажный паёк* ‘компенсация за безработицу по причине войны’ (фр. *chômage* ‘безработица’); *пантофельная почта* (фр. *gantoufle* ‘женские туфли’) — выражение в годы 1-й мировой войны, то же, что ‘сарафанное радио’; *алерт* ‘воздушная тревога’ (фр. *alert* ‘сигнал’); *carnet de bal* ‘книжка для записи партнеров на балу’ (фр.) и др.

Варваризмы — это заимствования, которые не входят в активный словарь языка-реципиента и вытесняются аналогами: *печатавшая артикли под рубрикой* (нем. *artikel* ‘статья’); *специфически петербургского великосветского жеманфишизма* (фр. *je men fichisme* ‘безразличие’); *в моем «мизерабельном»... переводе* (фр. *misérable* ‘жалкий’); *вся Флоренция... фетиговала музыкантов* (нем. *fetieren* ‘чувствовать’); *может быть, это — портбонер* (фр. *porte-bonheur* ‘амулет’) и др.

Ярче всего мультикультурность как черта идиостиля Сургучева проявляется в окказиональных заимствованиях. Большая их часть — транслиты: *Париж, как nobless, обязывает* — от *Noblesse oblige* ‘Дворянство обязывает’; *войска, вступая в эту тень, как бы окрашивались в более сильный оттенок собственного же цвета. «Блё фонсе», как говорят французы; провозглашены эгалите, фратерните и либерте; Странное эгалите!; без отыскивания предварительных «тьюю»* (*tuau* ‘подсказка на скачках’); *получить свое «кашэ»* (*cachet* ‘плата за уроки’); *ни люа, ни фуа* (*loi* ‘закон’, *foi* ‘вера’) и др. Встречаются и вкрапления: *Процесс — не из тех, что носили название: tres parisien; о создании... печати d’оррinion; французы называют это «Le boufrage de cranes»* и др.

Слова для передачи речи иностранцев: *Какие тикеты?* (фр. *ticket* ‘талон’); *Марсель... сказал, что ту ва бьян* (фр. *tu vas bien* ‘ты в порядке’); *Псякрий!* (польск. *psia krew* ‘сукин сын’); *Я говорил с ними русс... Они всегда отвечали мне франсе; Экко, экко... эккоээкколя!* (итал. *ecco* ‘вот’); *вечерней песенки муэдзина «Аль-алляля»* (араб. ‘Всевышний’).

Панрелигиозность и мультикультурность мировосприятия Сургучева подчеркивается полифонизмом и стилистической конвергентностью его текстов. Напряженно, на протяжении всех публицистических статей, он исследует историю, проводит исторические параллели, сравнивает между собой различные цивилизации и эпохи. Сопоставляя западную и восточную культуры, полиглот И. Сургучев решительно отдает предпочтение восточной: *«Если какая-нибудь нежданная бомба разорвала бы мой дом... мне было бы жаль одного: перевода, который уж двадцать лет я делаю с китайского языка... Перевожу китайский роман, которого никто в Европе не знает...»* [2]. «Неуклюжому», «смешному» европейскому слову (*кладбище со смешным названием «Тиэ»; неуклюжим словом «слоган»* и др.) он противопоставляет китайские иероглифы, которые погружают его в мир «изысканный, тонкий и наблюдательный» [2].

И. Сургучев стремится к аккумуляции в языке его публицистики всего ценного из русской культуры и обозначает ее как силу, «которой не страшны никакие врата адовы» [2]. Он использует общеславянскую и исконно русскую лексику как можно чаще, насколько это допускают его задачи как публициста, выстраивая таким образом звуковую, тональную и ритмическую организацию его текста.

Источники и литература

- 1) Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах. М., 2013.
- 2) Сургучев И. Д. Парижский дневник. 1940—1945 / ред. А. А. Фокина. Ставрополь, 2016.